

Матяш С.А.

Оренбургский государственный университет

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ М.Л. ГАСПАРОВА

В статье дается краткий аналитический обзор основных блоков научного наследия М.Л. Гаспарова; показывается его место в истории науки в выдвинутых им самим категориях «завершителя» и «открывателя»; обозначаются методологические принципы ученого; отмечается роль этих принципов в развитии филологической науки в Оренбургском университете.

7 ноября с.г. – годовщина со дня смерти Михаила Леоновича Гаспарова. К большому сожалению, наука, как и человечество в целом, постоянно несет утраты, и некрологи многим отечественным ученым справедливо называют подобные утраты «невосполнимыми». И тем не менее, уход из жизни М.Л. Гаспарова – утрата особого резонанса. В течение прошедшего года многие материалы в прессе и Интернете по поводу этого трагического события имели название «Прощание с эпохой» [1; 2; 3], что адекватно отражает масштаб Гаспарова-ученого и его место в истории науки. Филологический мир – и не только филологический – почувствовал себя осиротевшим, незащищенным, лишившись ученого, определявшего планку уровня научных исследований, обеспечивавшего – и результатами своей неутомимой деятельности, и самим присутствием в научном сообществе – ощущение высокой цели науки, ее самодостаточного и прикладного смысла, ее нравственного начала.

Научное наследие М.Л. Гаспарова огромно. В нем сам ученый структурой «Избранных трудов» [4] выделил три крупных блока: античная литература, стихосложение, русская поэзия. В области античной литературы Гаспаров выступает одновременно как переводчик и исследователь. Он перевел и подготовил к научному изданию произведения Аристотеля, Цицерона, Эзопа, Федра, Бабрия, Пиндара, Вакхилида, Овидия, Горация, Вергилия, Катутлла, Светония, Авсония. Обширные комментарии, а также яркие и глубокие научные статьи, сопровождающие переводы, приблизили к нам авторов далекой эпохи, способствовали восприятию их в качестве восстановленного контекста современной литературы.

В области стиховедения всемирную славу М.Л. Гаспарову принесли фундаментальные труды «Современный русский стих: Метрика и ритмика» (М., 1974); «Очерк истории

русского стиха» (М., 1984; 2-е издание, 2000 года, рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по филологическим специальностям); «Очерк истории европейского стиха» (М., 1989). В стиховедении М.Л. Гаспаров утвердил применение статистических методов (в том числе и методов математической статистики). Гаспаров поставил и дал убедительные ответы на вопросы о генезисе фольклорного, силлабического, силлабо-тонического стиха; разработал теорию и типологию тонических форм. Он исследовал стих русской поэзии за 250 лет его развития, последовательно описывая в диахроническом срезе четыре его главных форманта: метрику, ритмику, строфику, рифму. Выдающийся русский стиховед осмыслил многочисленные факты стихосложения европейской поэзии (хронологические границы – 3000 лет) и выстроил целостную картину развития европейского стиха. Исследования по истории русского и европейского стиха Гаспарова преодолели имевшийся ранее отрыв стиховедения от литературоведения в целом; стали органической частью истории русской и мировой литературы.

Работы третьего блока – о русской поэзии поражают обилием имен и разнообразием аспектов исследования. Специальные статьи посвящены поэтам XVIII-XIX вв. (Тредиаковскому, Ломоносову, Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Тютчеву, Фету) и – особенно – поэтам XX в. (Анненскому, Ахматовой, Цветаевой, Пастернаку, Хлебникову, Кузмину, Маршаку, Бродскому). Об интересе к поэзии XX в. свидетельствует тот факт, что для антологии «Русская поэзия серебряного века» (М., 1999) Гаспаров написал ныне широко известную статью «Поэтика серебряного века» и 46 (!) вступительных заметок к поэтам разного масштаба и разной степени известности. Стиховедческий

аспект поэзии рубежа веков представлен в специальной книге ученого – «Русский стих 1890-1925 гг. в комментариях» (М., 1993). В библиографии работ М.Л. Гаспарова, помещенной в III томе его «Избранных трудов» [4, Т. 3], из поэтов XX в. чаще всего фигурирует Мандельштам, к творчеству которого ученый подходил и как историк литературы, и как стиховед, и как текстолог.

Из многочисленных областей поэтики М.Л. Гаспарова больше всего, на наш взгляд, интересовала композиция произведения (цикла, книги). Вопросы композиции решались им еще в работах, посвященных античным жанрам («Строение эпиникия», «Топика и композиция гимнов Горация» и др. [4, Т.1]), но особенно интенсивно и в новом ракурсе – композиция семантическая – начали разрабатываться на русском материале, в частности при анализе лермонтовского стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...», элегий Жуковского, Баратынского, Пушкина, пейзажа Тютчева и – особенно – на материале лирики Фета, которую ученый не любил, и это обстоятельство, по его собственному признанию, способствовало объективности анализа. Филологам нескольких поколений памятна знаменитая статья с броским названием «Фет безглагольный» (Михаил Леонович увлекался поисками оригинальных и одновременно емких названий). Статья была опубликована еще в 70-е годы и позднее, с добавлениями, несколько раз публиковалась в различных изданиях [5]. Последняя статья, в которой Гаспаров посчитал нужным «оглянуться на общую проблему композиции лирических стихотворений» [6, с. 96], также написана на материале лирики Фета («Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому»). Семантический анализ композиции во всем блеске продемонстрировал филологическую одаренность Михаила Леоновича. Именно этот аспект позволил стиховеду максимально приблизить анализ структуры стиха, который во всех работах ученого неизменно был главенствующим, к анализу образов, тем и мотивов. Итогом этого сближения была глубина проникновения в авторскую интенцию и ее реализацию в ткани текста. При этом сами анализы и разборы М.Л. Гаспарова являются сво-

его рода произведениями искусства. Свойственные стилю всех работ ученого краткость и уникальная точность выражения мысли при анализе семантической композиции (т. е. содержательного плана лирического произведения, не терпящего, как известно, пересказа) обретают особое изящество, благодаря которому вербальное выражение «содержания» каждой строфы, к которому прибегает ученый, не разрушает художественный образ, но придает исследовательской мысли необходимую определенность и строгость.

В завершение нашего краткого обзора научного наследия ученого отметим красноречивый факт. В современных отраслевых словарях – «Литературный энциклопедический словарь» (М., 1987); «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (М., 2001) – практически все статьи по стиховедению и очень многие по общей поэтике написаны М.Л. Гаспаровым. Энциклопедии нашли своего автора – ученого, обладающего энциклопедическими познаниями и лапидарным стилем словарных статей.

М.Л. Гаспаров всегда работал очень много, даже на конференциях погружался в свои штудии, отказываясь от обедов и культурных программ. Он шел гигантскими шагами вперед и вперед, ставя и решая новые и новые задачи. Но в последние годы он, видимо, начал подводить предварительные итоги своей деятельности, о чем свидетельствуют, во-первых, «Избранные статьи» с тщательно обдуманной структурой, разделенные на три раздела «О стихе», «О стихах», «О поэтах»; в обратной последовательности расположения разделы разрослись в три тома «Избранных трудов» [4] общим объемом около 150 печатных листов; во-вторых, тот факт, что статьи о Ю.Н. Тынянове, Б.И. Ярхо, Ю.М. Лотмане, М.М. Бахтине, написанные в разное время и по разным поводам, он собрал вместе в «Избранных трудах» [4, Т. 2], словно осмысливая свои притяжения и отталкивания в отношении к тем ученым, которых, очевидно, считал знаковыми фигурами отечественного литературоведения; в-третьих, его размышления о типе ученого. В статье «К.Тарановский-стиховед» после анализа достижений американского ученого в разных областях стиховедческой науки Гаспаров сделал примечательное обобщение: «В науке бывают роли зачинате-

лей и завершителей» [7, с. 419]. Эти категории – зачинателей и завершителей – как нельзя более уместны для определения типа ученого самого Михаила Леонovichа. В области стиховедения он часто выступал «завершителем», например, завершителем изучения метрического репертуара русской поэзии, предпринятого группой Б.И. Ярхо; исследования ритмики русских размеров, начатого А. Белым и продолженного отечественными и зарубежными коллегами; применения математической статистики, пришедшей в стиховедение с Б.В. Томашевским; исследования семантики стихотворных размеров, представленного в работе К.Ф. Тарановского, интерпретации понятия сукцессивности стихотворной речи, предложенного Ю.Н. Тыняновым, и др. При этом М.Л. Гаспаров был уникальным «завершителем»: исследование, начатое предшественниками, у него становилось неузнаваемым, благодаря колоссальному расширению материала и его системному анализу. М.Л. Гаспаров завершал в науке так, как Пушкин в литературе: блестяще завершал и одновременно открывал новые пути. Так, например, Гаспаров объявлял себя «эпигоном» Б.И. Ярхо, которому принадлежит набросок плана «Методологии точного литературоведения». Михаил Леонovich извлек этот документ из архива, подготовил к печати, сопроводив своей статьей, и несколько раз публиковал [8], настойчиво призывая ученых следовать Б.И. Ярхо в расширении сфер применения статистического анализа. В качестве «завершителя» приняв и по сути реализовав программу комплексного изучения всех уровней структуры стихотворного текста, Гаспаров пошел дальше Ярхо, открыв новые перспективы современному стиховедению: «установить структурную связь явлений стиха с явлениями фонетики, грамматики, стилистики, семантики» [9, с. 6]. Программа, выдвинутая М.Л. Гаспаровым, была новым этапом научного исследования, однако, базирующимся на уже полученных им научных результатах и на дальнейшем применении методологических принципов, которыми ученый руководствовался в течение почти полувековой деятельности (и не только в стиховедении, но и во всех вышеназванных областях литературоведческой науки).

Глубокое осмысление методологии и методики М.Л. Гаспарова – дело будущего, может быть, не одного поколения литературоведов. И тем не менее попробуем уже сейчас обозначить некоторые методологические принципы исследовательской деятельности гениального ученого. Первым принципом можно считать примат формы. Этот принцип проявился уже в первой монографии молодого тогда ученого «Античная литературная басня» (М., 1971). В книге было 8 глав; «эмоциональному и идейному содержанию» басен отводилась 6-я глава, а «языку, стиху, стилю» – 3-я, следовавшая сразу за историографией, что вызывающе нарушало традицию композиции литературоведческих монографий, в которых вопросы языка, стиха, стиля, в числе других «художественных особенностей», занимали, как правило, последнее место. Такое отношение к «языку, стиху, стилю» у Михаила Леонovichа сохранилось и в дальнейшем. Ученый считал, что нужно прежде всего анализировать форму и через анализ формы реконструировать авторскую интенцию, не перегружая таким образом интуицию («Не надо перегружать интуицию!» – реплика Гаспарова на одном из заседаний стиховедческих чтений в ИМЛИ). С первым принципом органично связан второй, касающийся формы стихотворной. В предисловии к первому изданию ныне хрестоматийного «Очерка истории русского стиха» Гаспаров писал: «Неверно считать, что все особенности стихотворной формы обусловлены содержанием каждого стихотворения и ничем иным» [10, с. 3]. В таком достаточно жестко сформулированном утверждении была скрытая полемика с редактором этого фундаментального труда Л.И. Тимофеевым и его последователями, настаивающими на том, что «вне идейного содержания форма не может функционировать и все элементы стиха, лишённые связи со смысловой стороной слова <...>, останутся вне поля нашего эстетического зрения» [11, с. 4], «стихотворная форма изменяется в соответствии с изменением содержания» [12, с. 11]. По мнению М.Л. Гаспарова, стихотворная форма, не связанная напрямую с содержанием, имеет связи «органические» и «исторические» [10, с. 3]. Органические связи – это те связи, которые существуют между отдельными элементами

структуры произведения. Исторические связи – те, что образованы цепью исторически сложившихся ассоциаций. Многолетнее изучение исторических связей привело к выявлению механизмов культурной памяти, показанных в известной монографии «Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти» (М., 1999). Последняя программа Гаспарова, очевидно, должна была привести к масштабному исследованию связей органических, к раскрытию механизмов взаимодействия формантов: или однонаправленного – по принципу усиления, или разнонаправленного – по принципу компенсации. Третий методологический принцип, в последнее время оспариваемый некоторыми стиховедами [13], касается принципиального разграничения стиха и прозы как двух полярных форм художественной речи. В этом разграничении главенствующая роль, по Гаспарову, принадлежит графике. Графика занимала центральное место и в его концепции верлибра. Четвертый методологический принцип Гаспарова проявляется в решении кардинального для стиховедения вопроса о факторах, определяющих систему национального стихосложения. Этих факторов два: язык и историко-культурная традиция. Многие выдающиеся стиховеды отдавали предпочтение национальному языку (см., например, [14;15]), М.Л.Гаспаров последовательно показывал в своих работах роль историко-культурной традиции. Пятый методологический принцип касается характера научного анализа. Предпринимая целостный анализ отдельного стихотворного

произведения, Гаспаров манифестировал имманентный анализ, «без сравнительного сопоставления с другими текстами» [4, Т. 2, с. 9]. В стиховедческих работах он следовал принципу диалектической связи объекта и фона; форманты различных уровней неизменно рассматривались им на фоне большого сравнительного материала. Таким образом, не высказываясь специально по этому поводу, Гаспаров утвердил в научном исследовании принцип обязательного контекста.

Методологические принципы М.Л. Гаспарова стали определяющими для научного направления «Проблема «Стих и жанр» в русском стихосложении XVIII–XXI вв.», созданного С.А. Матяш и функционирующего сначала в Казахстане (Карагандинском университете), а с 1997 г. – в Оренбургском государственном университете. Согласно программе этого направления в ОГУ изучается графика стихотворных текстов, перенос (enjambement), композиция лирики, стих отдельных поэтов и отдельных жанров. В частности, разработан проект изучения периферийных жанров русской поэзии – традиционных (эпиграмма, кантата, надпись) и нетрадиционных (отрывок, стихотворная новелла, стихотворный фельетон, инвектива), который получил в 2004 году высокую оценку М.Л. Гаспарова.

В настоящем номере журнала публикуется часть работ означенного научного направления, выполненных на основе методологии и научных результатов М.Л. Гаспарова.

Список использованной литературы:

1. Михаил Гаспаров: in memoiam // Книжное обозрение, №46 (2056). С. 3.
2. Ремнева М.Л., Кормилов С.И., Савельева О.М., Илюшин А.А. Михаил Леонович Гаспаров // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология, 2005. №6. С. 192-198.
3. Баевский В.С. Михаил Леонович Гаспаров // Фил. науки. 2006. №1. С. 125-128.
4. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1-3. М.: Языки русской культуры, 1997.
5. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный // Литературная учеба, 1979. №5. – С. 216-220; то же: Учебный материал по анализу поэтических текстов. Таллин, 1982. С. 127-134; то же: Ново-Басманная, 19. М. 1990. С. 515-529.; то же: Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М. 1995. С.139-149; то же: [4, Т. 2, С. 21-33].
6. Гаспаров М.Л. Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому // Новое литературное обозрение. 2002, №4. С. 96-113.
7. Гаспаров М.Л. К. Тарановский-стихoved // Тарановский Кирилл. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000. С. 417-419.
8. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Введение [Вступ.заметка, публ. М.Л. Гаспарова // Труды по знаковым системам. IV / Уч.зап. Тартуского гос.ун-та. Вып. 326. Тарту, 1969. С. 515-526; то же: Контекст-83. М., 1984. С. 195-236.
9. Гаспаров М.Л. Лингвистика стиха // Славянский стих: Стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 5-17.
10. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.
11. Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.
12. Калачева С.В. Эволюция русского стиха. М., 1986.
13. Шапир М.И. Гаспаров-стихoved и Гаспаров-стихотворец // Русский стих: В честь 60-летия М.Л.Гаспарова, М., 1996. С. 271-310.
14. Томашевский Б.В. Стих и язык. М.-Л., 1959.
15. Холшевников В.Е. Русская и польская силлабика и силлабо-тоника (К проблеме «Стих и язык») // Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. С. 21-57.